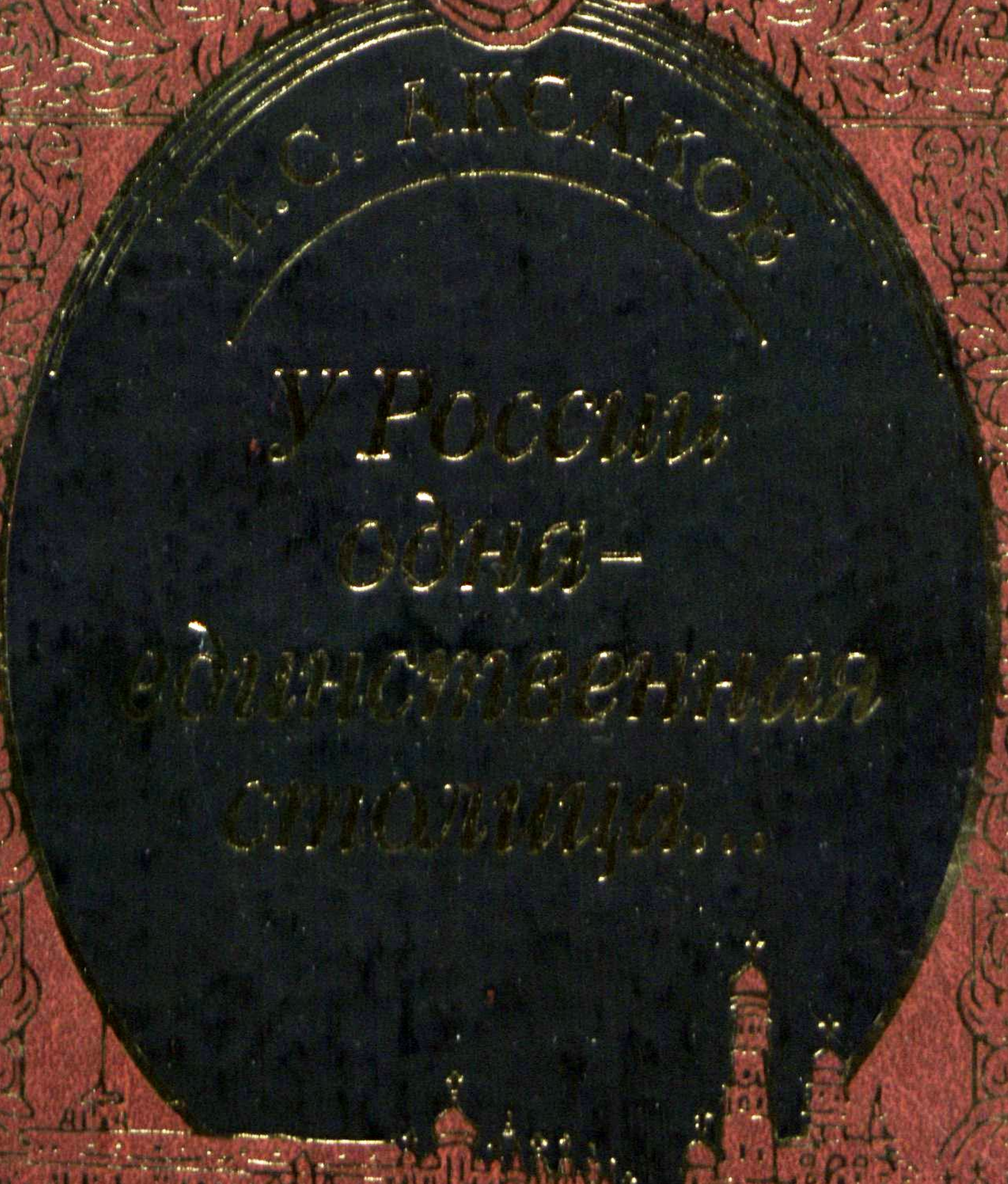

84(2Рвс=Рус)1

A 41

Б И Р Б
М

СА-305638

МОСКВА

предмету мену у каментов Лотова
у г. Водангеи' Дел, у Толова село, и да да
Над нас поурамб онд нас подроккуеблн
киз о суделар. Эру тамба, и уеагофамб
Ваме ес ендемоо Верапламе. - Котомини
у трауд гавегр мит Вам е нудио. Народаро
Вас. Амакис, кер

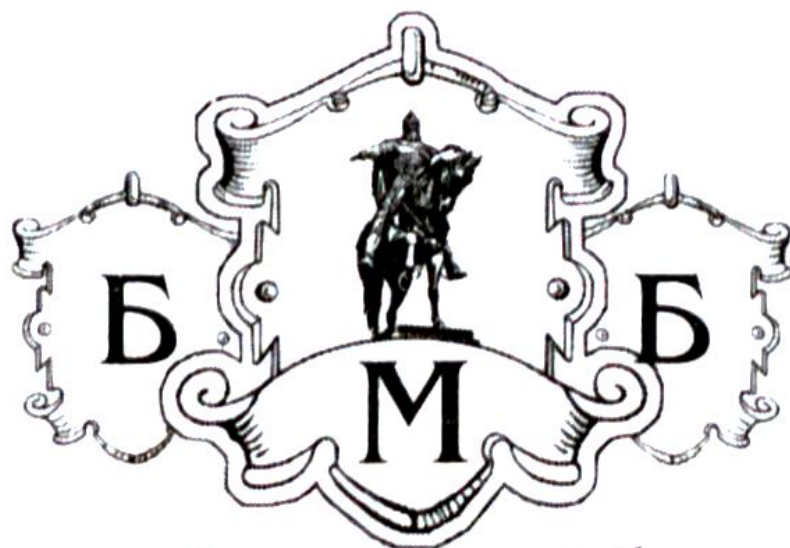
и помагаюу
киноф кин
керосе у
адиме
думбес
А
интер
коца
она
роум
ес вог
кием
ес вог
даур
своодн,
Индаялун
кес, амр фами

Прозауме, Велар Клаовит. Ала рата
ест, крими мену корамб, канд Эруи роумо.
Кунно вад ашимава Велар Ваинур.

Вам Н. Амаос.

W

БОЛЬШАЯ

БИБЛИОТЕКА

МОСКОВСКАЯ

И. С. АКСАКОВ

*У России
одна-
единственная
столица...*

МОСКОВСКОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
МОСКОВСКО-ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н. К. КРУПСКОЙ
МОСКВА

РУССКИЙ МИРЪ

2006

ca-305638

15

ва к двум нашим даровитым писателям — к Н. Гилярову-Платонову и Василию Немировичу-Данченко. О книге последнего «Год войны» И. С. выражался, что это сочинение такое прекрасное, которое в другой, более образованной, среде дало бы автору авторитетное имя и прочное богатство. «Я уверен, — говорил мне И. С., — что в литературе Запада нет ни одного сочинения о войне, могущего выдержать хотя бы слабое сравнение с книгой Немировича...»

Однажды я получил от Н. Гилярова-Платонова в подарок его портрет и показал Аксакову. И. С. взял портрет в руки и сказал: «Вот человек, про которого можно смело сказать, что он никогда и ничего не эксплуатировал... Большой талант, прекрасное перо, огромная начитанность, масса разнородных познаний... Но Русь-матушка еще не умеет ценить по части грамоты...»

На этом я кончаю свои беглые заметки о покойном учителе России. Недавние воспоминания не могут быть длинными, и я буду счастлив, если мой рассказ и приведенные в нем выписки из собственноручных писем И. С. разуверят русского читателя в проповедуемой чепухе, будто Аксаков был представителем какого-то платонизма и умер вовремя, ибо настал час для практической работы. Что руки, ноги и спина у нас давно готовы, — нет сомнения. Но где же та светлая мысль и то глубокое самосознание, которые суть единственные творцы истории?

Н. Агафонов

Иван Сергеевич Аксаков

(Сын первого казанского студента)

Братия и дружино! волею и неволею станем противу, не посраим Земли Русские, но ляжем костьми. Аще моя глава ляжет пред вами, то промыслите собою...

Из речи Святослава к дружине

Телеграф возвестил России о совершившейся 27 января (1886 г.) крупной литературной утрате. В этот день, в Москве, скончался от разрыва сердца *Иван Сергеевич Аксаков*, редактор и издатель единственного в России национального печатного органа газеты «Русь».

Можно сказать наперед, что ни одно из повременных изданий нашего Отечества не пройдет молчанием этого печального события, ибо если немного было людей искренно солидарных с направлением публицистической деятельности *Ивана Сергеевича*, то трудно представить, чтобы нашлись такие, которые заподозрили бы искренность и чистоту убеждения в покойном деятеле. Можно было в чем-либо не соглашаться с ним, но не уважать искренности, устойчивости,

последовательности и неподкупности взглядов и убеждений этого человека — немислимо. Это был ум сильный, просвещенный, ясный, способный реализовать самые запутанные теории в области русской жизни; но это был ум специальный, отметивший себе известную, определенную сферу деятельности. Это был один из последних и самый видный, типический представитель столь известной у нас славянофильской школы, сделавшейся теперь достоянием истории.

И. С. Аксаков принадлежал к семье, в которой все члены были очень видными деятелями в области русской мысли и русского национального самосознания. Отец его, известный всему нашему читающему миру, Сергей Тимофеевич Аксаков, автор *Семейной Хроники*, воспитывался в Казани и был одним из первых студентов здешнего университета (выпуска 1807 года). Имя его вырезано золотыми буквами в пантеоне нашей первой гимназии, вместе со славными именами ее воспитанников: Гавриила Державина, Владимира Панаева, Михаила Веревкина, Василия Перевошикова, Николая Лобачевского, Ивана Симонова, братьев Княжевичей. Старший брат Ивана Сергеевича — Константин, умерший на одном из островов Ионического архипелага, на 44 году жизни, в пору могучей философско-публицистической деятельности, был не менее известен, нежели и отец. Еще брат — Григорий Сергеевич — стяжал себе доброе имя, как администратор самарского края и в особенности известен своею гуманною деятельностью по земскому и крестьянскому делу. Сам Иван Сергеевич по жене своей, Анне Федоровне, урожденной Тютчевой, был близким человеком в семье известного русского поэта Ф. И. Тютчева, стихотворения которого печатались в *Современнике*, в эпоху возрождения русской литературы.

Покойный родился 26 сентября 1823 года, в селе Надежине (Куроедово тож), Белебеевского уезда, Оренбургской (ныне Уфимской) губернии. Воспитывался в Петербурге, в училище правоведения. Служебная карьера его была непродолжительна и не блестяща: в 1842 году он поступил с чином IX класса на должность секретаря московского сената, потом очень недолго состоял товарищем председателя уголовной палаты в Калуге. Затем, в 1848 году, он определен чиновником особых поручений в министерство внутренних дел, а в 1850 году вышел в отставку и поселился в Москве, в доме своего отца, с непременным желанием посвятить все свои духовные силы делу русской литературы. Впрочем, и официальная деятельность Ивана Сергеевича не была бесследною: министерство внутренних дел командировало Аксакова для исследования некоторых старообрядческих вопросов сначала в южную Россию, а потом в Ярославскую губернию, для обсуждения дел по водворению здесь так называемого единоверия, допущению которого очень противился местный архиерей Евгений (Казанцев). Плодом этих поездок было обширное (до 600 страниц) сочинение И. С. Аксакова о русском сектантстве, которое только незначительною частью напечатано в *Русском Архиве* 1866 года, стр. 627.

Литературная деятельность Ивана Сергеевича началась в 1844 году, в журнале *Москвитянин* (стихотворение «Колумб»). Затем, в тесном кружке московских славянофилов: А. С. Хомякова, Д. А. Валуева, братьев Киреевских, Ю. Ф. Самарина, Ф. В. Чижова, кн. В. А. Черкасского и К. С. Аксакова, печатным и тенденциозным органом которых были *Московские сборники*. Первый из этих «Сборников» появился в 1846 году. Здесь Иван Сергеевич напечатал первые свои стихотворения, написанные во время службы в Калуга (числом шесть). В следующем 1847 году вышел новый том «Сборника», в котором И. С. Аксаков напечатал драматическое произведение: «Зимняя дорога». Наконец, в 1852 году, он сам уже выступил в редакторской деятельности, издавши особый (первый) том *Московского сборника*, в котором, кроме стихов, поместил отрывок из очерка *Бродяга*. Но, к сожалению, дальнейшему изданию этих «Сборников» положен был, в 1853 году, конец строгостью тогдашней цензуры, которая видела в славянофильском направлении этих изданий вредное для государственной и общественной безопасности веяние. Душою этой группы молодых московских литераторов, или, вернее — этой недостаточно понятой обществом школы, был брат Ивана Сергеевича — Константин Аксаков, о котором тогдашнее правительство отзывалось так: «Константин Аксаков, магистр московского университета, живет в Москве, пропитан славянофильством. В 1846 году он напечатал в *Московских Ведомостях* статью: «Семисотлетие Москвы». В этой статье высказывались мысли, несообразные с монархическим правлением. За эту статью и сочинителю, и цензору сделано было строгое замечание. Этот молодой человек не без ума и образован, добросовестен и хорошей нравственности, но его, как фанатика, трудно убедить в ложности его мнений». (См. *Русс. Старину* 1875 г., т. III, стр. 374). Вся вина состояла в том, что в изданном Ив. С. Аксаковым «Сборнике» весьма настойчиво проводились идеи, неслыханные и страшные для умов того времени, например, что: «дух христианства чужд учреждениям Империи», что: «законы гражданские составили какую-то таблицу счетоводства между Богом и Его творением, непонятную для нас, сынов церкви православной», что: «Голос Божий в писании замолк» и т. д. (см. статью Хомякова). В статьях Константина и Ивана Аксаковых усмотрено стремление именовать всех людей братьями, призванными к вольному труду для блага общественного. В статье кн. Черкасского открыто намерение доказать вред продажи крепостных людей врознь: дочь от матери, сына от отца, мужа от жены, и проч. Таким образом, 3 марта 1853 г., состоялось распоряжение о воспрещении печатания «славянофильских сборников», как вредных по содержанию своему спокойствию России. Уже в новое царствование кружок московских славянофилов получил свободу вновь открыто высказать свои убеждения: 8 февраля 1856 г. им разрешено издавать *Русскую Беседу*, которая и стала выходить под редакциею Тертия Ивановича Филиппова, известного потом своими капитальными трудами по русским церковным вопро-

сам, (и главным образом но изъяснению псевдо-единоверия) и при ближайшем участии тех же деятелей, в том числе и И. С. Аксакова.

Не ограничиваясь сотрудничеством в «Русской Беседе», Иван Сергеевич выхлопотал право издавать отдельный самостоятельный орган славянофильской партии, под названием *Парус*. Получив разрешение на издание этой газеты, Ив. С. Аксаков разослал объявление о «Парусе» на языках: польском, чешском, сербском и болгарском, имея в виду стянуть разрозненные интеллектуальные силы всего славянства под одно общее знамя «возрождения». Но смелая мечта оказалась преждевременной, и «Парус», выпустив два номера, погиб от причин, не зависевших от редакции. Это было в 1859 году.

Сочувствие к печальной исторической судьбе славянских племен, подпавших с давних пор разрушительному влиянию соседей (на севере онемечению; на юге угнетению фанариотскому и мадьярскому), держалось очень сильно в русском обществе того времени. Еще более это сочувствие взволновало умы, когда в январе 1860 году явилась знаменитая повесть И. С. Тургенева: *Накануне*. Ив. С. Аксакову повесть эта доставила неописанное наслаждение, как и большинству представителей тогдашней русской интеллигенции.

Упомянув об издании И. С. Аксаковым газеты «Парус», мы должны сказать два-три слова еще об одной газете славянофильского направления, предпринятой за два года до «Паруса», под непосредственным смотрением и нравственным руководством братьев Аксаковых. Мы говорим о мало известном органе московской публицистики, газете *Молва*, выходившей с 13 апреля по 28 декабря 1857 года, под редакторством молодого кандидата московского университета С. М. Шпилевского, впоследствии очень известного казанского профессора, публициста и археолога. Все номера «Молвы» переполнены статьями Аксаковых, направленными против крепостничества, презрения к русской народности, к национальному русскому творчеству, против слепого, бесконтрольного поклонения западноевропейской цивилизации. По смыслу передовых статей «Молвы» можно и должно заимствовать у Запада все полезное и, в то же время, оставаться вполне русским человеком, не стыдясь своей национальности. Петр I, метко и справедливо охарактеризованный нашим знаменитым Крыловым в басне «Трудолюбивый Медведь», водворяя на русской почве голландско-немецкую культуру посредством насилия, принес, по словам «Молвы», гораздо более зла родной стране, нежели блага, что и не замедлило вскоре обозначиться в жизни и нравах высшего сословия наших столиц в течение петербургского периода русской истории. Нет сомнения, что очень многие мысли, высказанные «Молвою», признаются в наше время вполне верными и справедливыми, ибо нельзя же признать безупречной ту логику, что достаточно переменить у народа кафтан на фрак, натуральные волосы на парики, ситцевые рубашки на крахмаленные, сарафаны на корсеты, — чтобы признать за ним право на название цивилизованного. Точно также история с мельчайшими подробностями раскрыла нам теперь — каков был сам Петр I, что за лич-

ность был Феофан Прокопович, один из усерднейших его сподвижников; кто были деятели, окружавшие двор наших императриц XVIII века. Все это уже выяснено с достаточной полнотой нашими исследователями и картина величавого изображения преобразований России, воспетых и возведенных в ореол казенными историками тридцатых и сороковых годов девятнадцатого века, значительно видоизменилась и уже не возбуждает, при анализе спокойного ума, тех телячьих восторгов, с которыми носились еще так недавно и наша журналистика, и наша педагогика. «Молва» утверждала, что если русский народ и нуждался в перевоспитании, то нимало не получил его с реформой Петра и его последователей: равным образом не улучшилось ни на йоту и его материальное благосостояние; напротив, даже сделалось несравненно тяжелее прежнего, благодаря усовершенствованному крепостничеству, рекрутчине, сословной разрозненности, налогам и пошлинам на бороду, на двуперстие, на одежду, на всякую всячину, не считая обычного крестьянского тягла. Со всем этим, конечно, нельзя не согласиться и нельзя не воздать благословения памяти величайшего из российских монархов, Александра II, сделавшего для своего народа несравненно более, нежели Петр Первый и все его сподвижники, вместе взятые.

Газета «Молва» не избежала гонения, но гонение это шло не из правительственных сфер, а от собратьев по оружию. «Молву» и «Парус» подняла на смех почти вся тогдашняя журналистика, едва начавшая говорить как следует после тридцатилетней печати на устах. Самым сильным антагонистом «Молвы» и ее направления выступил известный, бездарный поэт-крепостник князь П. А. Вяземский. Вот выдержка из его письма к Константину Аксакову: «Исторический, наследственный вопрос о крепостном состоянии в России есть вопрос щекотливый и жгучий и потому самим правительством изъятый из среды вопросов, предоставленных гласному печатному суждению. Следовательно, не для чего, вопреки известным и положительным распоряжениям правительства, поднимать его. Упование на водворение вольного труда — утопия, которая может сбить с толку трудящихся». По поводу статей о гонении на русскую одежду этот же поэт-крепостник замечает: «И в этом вопросе, как он ни мал, *есть своя относительная важность*. Частными предписаниями высшего начальства, так называемая русская одежда не допускается. Сей вопрос официально или полицейски решен. Здесь уже не место выводить печатно, чего желают «славянофилы» в вопросе об одежде... Сделайте одолжение, во имя Карамзина, Жуковского, Пушкина, заколотите несколько нескромных пушек в вашей батарее. Берите пример с главных наших учителей... Воздержитесь ради Бога от пальбы в заповедные места. Спросите батюшку вашего: он страстный охотник, но и он вам скажет, что охота имеет свои законы, свои ограничения. В чужих дачах охотиться не дозволяется, а тем паче в казенных. Аминь». (См. *Русск. Архив* 1879 г., № 11). На газету «Парус» писались самые злые насмешки в стихах и прозе...

Потерпев неудачу с «Молвою» в 1857 году и с «Парусом» в 1859 году, — славянофильская партия ограничила свою умственную деятельность исключительно одною «Русскою Беседою», которая в последние годы своего существования выходила уже под редакциею Ив. С. Аксакова, на иждивение А. И. Кошелева. Но толстые книжки этого журнала мало соответствовали целям кипучей деятельности кружка: представителям его хотелось иметь еще газету, которую можно было бы выпускать чаще и распространять в более широком кругу читателей, что и пробовали они осуществить. Кроме неудач на этом поприще, славянофилы испытывали более горькие скорби: неумолимая смерть уносила из их среды самые лучшие и дорогие силы: в 1856 году умерли Иван и Петр Киреевские, в 1859 году не стало почтенного патриарха их литературной семьи С. Т. Аксакова, в следующем 1860 году сошли в преждевременную могилу Константин Аксаков и А. С. Хомяков. Удрученный тяжелыми испытаниями Иван Сергеевич уехал за границу и путешествовал около года по славянским землям. Вернувшись в Россию с запасом свежих сил и впечатлений, Ив. С. Аксаков предпринял осенью 1861 г. издание газеты «День». Первый номер этого нового органа славянофилов вышел 15 октября 1861 года, предпосланный передовою статьею, в которой между прочим говорится: «...Сколько накопили мы лжи в течение нашего полуторастолетнего разрыва с народом!.. Это не значит, чтобы до разрыва не было у нас ни зла, ни мерзостей: их было много, но то были пороки, порождения грубости и невежества. Только после разрыва заводится у нас ложь: жизнь теряет цельность, ее органическая сила убегает внутрь, в глубокий подземный слой народа. Не пускаясь в пространные рассуждения, скажем, что знамя нашей газеты есть знамя «Русской Беседы», знамя русской народности, понятой и определенной всей так называемой славянофильской школой. Каждому беспристрастному читателю известно теперь, что это учение чуждо односторонности и исключительности относительно Запада, и что все обвинения подобного рода были изобретены во время оно недобросовестностью или непонятливостью. Впрочем, эти обвинения в настоящее время едва ли уже не рассеялись сами собою»...

И действительно, лучшие и передовые умы нашей литературы смотрели на деятельность славянофилов с безмолвным уважением, хотя и недоумевали подчас — из-за чего бьются эти последние. Белинский горячо любил Константина Аксакова; Герцен хотя и восставал против учения московских славянофилов, но к деятелям их относился с глубоким уважением, ценя в них искренность и святость убеждения. Грановский писал о славянофилах, что «в этих людях столько святости, чистоты, силы, как редко приходится встречать»... «День» прекратился в 1865 году. Во все время издания его И. С. Аксаков имел постоянные неприятности. Одно время он даже был отстранен от газеты и ее редактировал Ю. Ф. Самарин. После невольного прекращения «Дня», Иван Сергеевич опять ухитрился получить право на издание газеты. С января 1867 года стала выходить его «Москва» в формате большого листа, ежедневными выпусками. Направ-

ление газеты оставалось неизменным раз навсегда: одни и те же домогательства, одни и те же обличения. Новая газета пуще прежних восстановила против себя цензурное ведомство. В период ее существования (с 1 января 1867 года по 21 октября 1868 года) она подверглась *девяти* предостережениям и *трем* приостановлениям, на 3, на 4 и наконец на 6 месяцев!.. Главнейшие статьи, которые ставились в вину редактору, были в 1867 году следующие: в № 8 передовая, в коей «порицается правительство за то, что оно принимает на себя обязанность направлять и опекать ум, чувство и волю своих подданных и тем ослабляет общество, держа его вечно в пеленках и вода на помочах; порицается общество за то, что оно усваивая себе точку зрения правительства, принимает на себя несвойственные ему обязанности III Отделения, а с другой стороны прибегает к добровольному ограничению своих прав, к ненужному, неблаговидному угодничеству перед правительством». В том же № 8-м «порицается зависимость церкви от правительства: приравнение разных степеней духовенства и благодати Св. Духа к табели о рангах. Епископы причислены к одному рангу с генерал-майорами, архимандриты сравнены с полковниками, священники — с майорами. Высшие пастыри обратились, в силу предъявленных им от правительства требований, в государственных сановников и кавалеров, а простые священники — в чиновников». Духовенство, в свою очередь, занималось в большинстве случаев пререканиями с пасомым им стадом, весьма мало уважавшим своих пастырей, или надоедало светской власти бесконечными жалобами и кляузами на раскольников, испрашивая для них различные более или менее суровые кары и науськивая на их молитвенные убежища чинов полиции»... Такие статьи, затрагивавшие самые щекотливые и нетронутые вопросы русской жизни, печатались Ив<аном> С<ергеевичем> Аксаковым в продолжение всего 1867 года.

Во время запрещения «Москвы» она заменялась «*Москвичом*», газетою, выходившею за подписью С. А. Юрьева, в том же виде, объеме и направлении, как и «Москва». Резкие статьи фактического редактора ее не переставали тревожить правительство, в особенности духовное. В редком номере не было обличений, направленных на ненормальность и антиканоничность церковной практики в России, в которой, по словам автора, ни одного таинства нельзя получить даром: родился — давай деньги, хочешь креститься — давай деньги, говеть — деньги, венчаться — деньги; умрешь — тоже деньги. Молебен, панихида или простая молитва — все это оценено по таксе и стоит денег. В № 12 «Москвы» за 1868 год Ив. С. в передовой статье говорит о необходимости допустить у нас полную свободу совести в делах религии и устранить вмешательство государственной власти в дела церкви. «У ограды церковной, — продолжает он, — стоит не Ангел Божий, охраняющий ее входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, как органы государственной власти: это стража нашего русского душеспасения, охранители догматов русской православной церкви». Далее, в № 18 Ив<ан> С<ергеевич> напечатал статью, начинающуюся так: «Виселица, как странствующий педагог, обходя

грады и веси, преподает свои назидательные уроки». Когда тогдашний министр внутренних дел, генерал-адъютант Тимашев, заметил резкость этой статьи, редактор ответил, что он «не считает себя обязанным относиться к смертной казни с сочувствием и даже признает за собою право выражать к ней свое полное отвращение», и т. д. Такой резкий, протестующий голос покойного русского публициста был причиною того, что и «Москва» и «Москвич» были запрещены (последний на 38 номере), а редактору воспретили впредь всякую литературную деятельность.

Безмолвие его продолжалось около *девяти лет*. В заседании московского славянского комитета он произнес речь по поводу Сан-Стефанского перемирия. Речь эта была напечатана в двух-трех русских газетах («Московских Ведомостях», «Современных Известиях» и «Гражданине» — 1877 г.), но номера этих газет были изъяты, а сам оратор вынужден был отправиться в ссылку. Только в 1880 году он возвратился снова к излюбленной им публицистической деятельности. В этом году, с 15 ноября, ему позволено снова стать издателем, и газета «Русь» не замедлила зажечь свое яркое пламя на горизонте русской журналистики. Статьи ее по внутренним вопросам свидетельствовали, что автор их остался все тем же немолчным глашатаем истины, которая была всегда и во всем его единственною путеводною звездою. Все честные деятели стремятся к истине, хотя и разными дорогами, но идти к ней с таким упорством, с таким постоянством, с таким могучим сознанием святости своего призвания и долга — мог только Иван Сергеевич и подобные ему характеры, воспитанные в полном общении с нравственными инстинктами и судьбами родного народа.

Вот кто был Иван Сергеевич Аксаков, которого лишилась Россия!..

30 января 1886 г.

В. П. Мещерский

И. С. Аксаков

Начало 1886 года омрачилось весьма печальным событием. 27 января скончался, еще в полной силе своего духа, своего духовного творчества, Иван Сергеевич Аксаков — от болезни сердца, которой он занемог в последние годы своей жизни. И всякий, кто знал этого прекрасного человека, узнав о его кончине, понял, что гораздо ранее, чем сердце, как главный орган физической жизни, у него заболело, болело у этого человека сердце в духовном смысле, от всего, что вокруг него не только не ладило с его чувствами, убеждениями и его идеалами, но подчас оскорбляло их, и что вот эти-то постоянные страдания духовного сердца мало-помалу подготовили роковой исход жизни в виде разрыва физического сердца.

бесном. Молим Бога, да вознесет Он тебя в этот горный Иерусалим, куда был вознесен на огненной колеснице другой преславный ревнитель — древнего Израиля, которому ты уподобился своею ревностию о благе земли и Церкви Русской. *Да будет же дух, иже в тебе, сугуб в нас* (4 Цар., 2, 9).

Село Бурундуки, Буинского уезда

П. Б. Струве

Аксаковы и Аксаков

К столетию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова

(Род. 26.IX.1823, † 27 I.1886)

Столетие со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова!

Есть имена и лица, которые бледнеют и гаснут в истории, и есть другие, которые как-то расцветаются красками, светлеют и все ярче и ярче разгораются. И таким и русское национальное, и славянское сознание должно ощущать Ивана Сергеевича Аксакова.

Не обинуясь, надлежит сказать, что это первый по специфической духовной одаренности и значительности русский публицист. Есть только два имени, которые можно поставить рядом с именем Ивана Аксакова. Это Герцен и Катков. Оба они были влиятельнее Аксакова в ту эпоху, когда они писали, но оба они, Катков вообще, Герцен как публицист, в известном смысле исчерпали себя в делании для своей эпохи.

Иван Аксаков принадлежал к семье, исключительной по дарованиям трех ее членов. Отец, Сергей Тимофеевич, оказался в позднем возрасте первоклассным писателем, несравненным изобразителем быта, созерцавшим и бравшим его таким, каким он *был* в самом буквальном смысле слова. Таков же С. Т. Аксаков и в изображении природы. Редко кому бывает уделено художественное дарование именно в этих пределах, редко кому дано быть художником, ни малейшим образом не напрягая своей фантазии, ничего не выдумывая. А именно это дано было Аксакову-отцу («Отесиньке»).

Старший брат, Константин, был филолог, историк и поэт. Всего значительнее он был как историк. Нежная душа в слабом теле, он жил ощущением, созерцанием и осмысливанием того соборного начала, выразителем которого мыслится сверхиндивидуальная личность, народ. Его интересовала и влекла к себе именно эта загадочная проблема и фигура — народ, влекла, как некое материнское лоно множества невидных и неведомых личностей, из собирательных молекулярных движений и действий которых слагается в конце концов цельная и мощная стихия, рождающая каждого из нас, стихия, в которую каждый из нас мимовольно и неотвратимо погружен. Именно

народ, а не государство, свободное творчество соборного духа, а не управление и нудящая сила собранной воли, стояли в центре созерцания наших славянофилов.

Рядом с отцом, художником быта, и братом, философом народности, натурами созерцательными по своей сути, стал Иван Аксаков. В нем художническая чуткость отца к быту и природе и философски-исторический интерес брата к народу сопряглись с величайшей действительностью.

Я имел счастье в своем детстве видеть Ивана Сергеевича Аксакова, и я хочу поделиться с читателями своими впечатлениями двенадцатилетнего мальчика, первой идеологической любовью которого были славянофилы вообще и редактор «Руси» в частности. В начале 80-х гг., около мрачной грани 1-го марта 1881 г., не в узких кругах революционно настроенной интеллигенции, а в довольно уже широких слоях просто образованного общества шло какое-то духовное движение, обнаруживалась какая-то идейная тяга к национальным идеалам. Младший сын в семье, я был рано приобщен ко всему тому, что тогда составляло духовное содержание жизни. Вместе со своей семьей я пережил эпопею русско-турецкой войны и ее финал — Берлинский конгресс и трактат, заключение которого вызвало пламенный протест — историческую речь Ивана Сергеевича Аксакова. Мы, дети (да и одни ли только дети?), конечно, мало понимали в политике, но мы с волнением ощущали, что Россия оскорблена и унижена в своем национальном и славянском призвании. А когда Иван Аксаков громко и мужественно поведал всему миру об этой обиде — наши души трепетали созвучно с его боевым духом русского и славянина, глашатая и вождя. Я живо помню, каким огромным духовным озарением для русских образованных людей явилась пушкинская речь Достоевского — в нашей семье получался и читался «Дневник писателя». По рассказам отца я знал, в какое событие превратились похороны Достоевского. Рядом с именем Достоевского в нашей семье в начале 80-х гг. всегда называлось с благоговением имя Ивана Сергеевича Аксакова, и тетрадки «Руси», сперва большого формата, а потом в обычную осьмью долю, с увлечением читались и прилежно перечитывались. Я втихомолку строил что-то для «Руси», скрывая написанное и от родителей, и от братьев. Мать моя что-то писала и Достоевскому, и Аксакову. И вот, когда после пребывания в течение трех лет за границей, мои родители с младшими сыновьями проездом побывали в Москве (это было летом 1882 года), в нашем номере в «Славянском базаре» появилась фигура героя моих детских идейных восторгов и политических увлечений, Ивана Сергеевича Аксакова. Он пришел отдать визит моему отцу и поблагодарить мою мать за читательское сочувствие. Предомною был крепенький человечек, пожилой, но весьма живой, по наружности малорослый и великорусский «мужичонка». Теперь, когда я вспоминаю эту фигуру и когда я, вновь переживая свое детское и столь радостное для меня до сих пор волнение, вызываю в своем уме образы никогда не виданных мною (умерших до моего рож-

дения) Сергея Тимофеевича и Константина Сергеевича, я их прямо физически различно ощущаю. Грузный Сергей Тимофеевич, который навсегда врезался в память каждого, видевшего его известное изображение в «архалуке», был непосредственным отпрыском и частицей того быта, который он так любовно изображал. В наружности Константина Сергеевича, в его какой-то слабой и рыхлой фигуре, выразилась та созерцательность и удаленность от брани жизни, которой была запечатлена вся его жизнь. Наоборот, в маленьком теле Ивана Аксакова была как-то собрана огромная действенность и законченно выразилось то своеобразное сочетание неукротимого восторга и боевой энергии с трезвостью, с чувством меры и возможностей, с хозяйственной деловитостью, сочетание, в котором вся сила и прелесть подлинного политического горения и национально-государственного делания.

Иван Аксаков был не художником, созерцателем быта, как его отец; не философом, созерцателем национальной истории, как его брат; а неутомимым деятелем и неукротимым борцом за национальные идеалы, который с юности своей бросился в самую гущу жизни. Эта тяга к практической работе сделала его последовательно чиновником, литератором-публицистом и общественным деятелем в самом многообъемлющем смысле слова. В его личной жизни замечательно именно то, что, будучи приверженцем и носителем мировоззрения и писателем, он не замкнулся ни в учении, ни теории, ни в писательстве, или пропаганде. В лице Ивана Аксакова, более чем кого-либо, более чем Александра Ивановича Кошелева, более даже, чем Юрия Федоровича Самарина, славянофильство спустилось с высоты историко-философского учения и вошло в реальную жизнь. Подобно Кошелеву и Самарину, Иван Аксаков был практическим деятелем. Но он больше их обоих был, на протяжении всей своей жизни, настоящим борцом. Унаследовав все духовное богатство старших славянофилов, он, в качестве редактора ряда блестящих периодических изданий, выходявших с 1858 по 1886 г. (год его смерти), смыкал и сомкнул славянофильские учения с конкретными вопросами и запросами общественной и государственной жизни России. В этом смыкании был свой стиль или, да позволено будет употребить одно из излюбленных самим Иваном Сергеевичем и красивых русских слов, был свой «лад», то есть своя собственная смысловая красота, воистину музыкальная. В публицистике Ивана Аксакова был свой лад и строй. Эта духовная музыка была гармонически проникнута двумя основными мотивами-идеями: идеей свободной личности и идеей себя сознающего и утверждающего народа, то есть идеей нации, в которую не может не быть погружена даже самая свободная личность.

Вот почему Иван Аксаков был в одно и то же время борцом и за права человека и гражданина, и за национальное начало. Ему было присуще острое и тонкое чувство права, укорененного в правде, и глубокое, трепетно-восторженное ощущение соборного начала народности. В русской публицистике нет лучшей защиты свободы слова

и совести, чем классические статьи на эти темы Ивана Аксакова. Его статья в «Руси» против цензурного ведомства, которое почти перед самой смертью знаменитого публициста осмелилось обвинить его в «недостатке истинного патриотизма», читалась и перечитывалась людьми нашего поколения буквально с трепетом и восторгом, как беспримерно-мужественное обличение бюрократической тупости и как такая же защита свободной речи.

Все, в чем выражалась сила и величие нации, — ее исторические достижения, духовные и государственные, ее историческое призвание, — находило себе красноречивого истолкователя в Иване Аксакове. Много в отдельности сейчас, по существу, может быть, воспринимается и оценивается нами иначе, чем даже Иваном Аксаковым, не только славянофилами вообще. Мы стали, я думаю, большими государственниками, чем были вообще славянофилы. Но мы теперь, вслед за ними, стали столь же убежденными националистами, и опять-таки не в смысле только доктрины или учения, а в смысле внутреннего ощущения, в смысле некоего *душевного трепета*, самого для нас основного и неукротимого.

Внутренний строй и лад аксаковской публицистики нашел себе чудесное выражение в его языке. Иван Аксаков — классик русской речи. Никто ни до, ни после него не говорил таким сильным и ярким языком русским людям о праве, свободе, государстве, народе и народности. В этом чеканном языке красота русской поэтической речи, суровая четкость языка государственного управления и торжественная важность и неизъяснимая сладость церковного слова образовали какой-то новый сплав для выражения одушевленной пламенным патриотизмом гражданской мысли. Неслучайно, что этот первоклассный публицист дал и неувядаемые образцы гражданской лирики, проникнутой каким-то скорбным пафосом.

Есть еще один род литературы, эпистолярный, в котором имя Ивана Аксакова должно быть поставлено в первом ряду русской письменности. Он оставил замечательные по содержанию и форме письма, в которых отразилось все богатство его души, все многообразие его запросов и интересов. Письма эти — поучительный исторический документ своего времени и первоклассное произведение национальной литературы, иногда возвышающееся до несравненной поэтической красоты.

Глашатай права и правды, народности и междуплеменного славянского братства, Иван Аксаков хорошо понимал и знал действительную жизнь и, в частности, был одарен живым видением хозяйственной жизни. В истории русской экономической науки почетное место занимает его исследование украинских ярмарок, превосходное произведение описательной политической экономии. Но интерес его к хозяйственной жизни не ограничивался одним литературным к ней прикосновением. Иван Аксаков не побоялся войти в хозяйственную жизнь своей страны и своего родного города Москвы и как практический деятель. Этот «народный трибун», этот подлинный художник слова был директором банка (одного из первых,

основанных московским купечеством, обществ взаимного кредита). И это не было случайно, а соответствовало его глубочайшему убеждению в неразрывной связи между духовной и «материальной» культурой страны. Это входило в его общественное служение. Сейчас весь смысл этой подробности биографии Ивана Аксакова раскрывается перед нами с такою ясностью, которая была, быть может, недоступна его современникам и в том числе нам, юность которых совпала с славным концом его долголетней деятельности.

Роль Ивана Аксакова в славянском единении была для его времени чрезвычайно велика. Его имя было знаменем и для русских, и для других славян. Для врагов славянства он был «пресловутым панславистом» («der begüchtigte Pan-slavist»), для многих русских западников — вредным мечтателем-националистом. Однако по существу многие мечты Аксакова уже стали непререкаемой действительностью. И если Россия повержена, то потому, что она, по временному безумию, отреклась от основных идей своего великого сына, и если другие славянские страны возродились к новой самостоятельной и национальной жизни, то в этом — свершение аксаковских исторических прозрений и оправдание его зиждательных идей. Недаром одна из улиц столицы освобожденной русской кровью Болгарии, Софии, носит имя Аксакова, и недаром в духовном центре возрождающегося славянства, в Праге, среди сочувствия представителей братского народа, воскрешается его духовный облик и творится хвала его имени.

Прага Чешская. Ноябрь 1923 г.

Венок
И. С. Аксакову

П. И.

Еще один великий Славянин
Безвременною взят от нас могилой...
Он был, о Русь, твой самый верный сын,
Он был народною твоею силой!
В его душе созрело убежденье,
И перейдет оно от рода к роду,
Что Бог судил России назначенье
Быть матерью Славянскому народу.
Стоял на страже он родного края,
И нас учил он родину любить;
Любя ее он умер, завещая —
За идеалами на Запад не ходить.
И не пройдет бесследно эта сила,
И не умрет его благой завет:
Славянская земля его недаром чтила,
И голоса его боялся злой сосед.
Пусть враг теперь на радости ликует,
Что умер тот, кто правду говорил...
Но будет день, когда восторжествует
Тот идеал, что он в душе хранил.
Пройдут века, и многое изменит время,
Но будет жить Славян могущественный род,
И патриотами посеянное семя
Взойдет, как Божий дар, и пышно расцветет.

Василий Иванов

Еще один светильник чудный
Средь мглы житейской догорел!..
Свершая жизни подвиг трудный,
Одной он истины хотел...
Святые в сердце убежденья
До гроба смело он носил,
Родных Славян соединенью
Душой и сердцем он служил...

Он верил в тот союз высокий,
Он верил в свой народ родной,
И пламень веры той глубокой
Горел, как солнца луч благой,
Во тьме — фальшивых убеждений,
Служенья идолам чужим,
Всего чужого восхвалений
И смеха надо всем своим...
И этот луч угас!.. и снова
Пустые фразы зазвучат
Жрецов учения чужого...
О, нет!.. его правдивый взгляд
На современное брожение,
Пример высокий и святой
Идее честного служенья —
Останутся стране родной,
Как дорогое достоянье,
Как вечной истины завет!..
В сердцах о нем воспоминанье
Жить будет много, много лет...

К...

Не стало борца за Славянское дело,
Что так беззаветно Россию любил...
Внезапно печальная весть прилетела,
И смысл ее страшный нас всех поразил.
И горькое чувство тоски и печали
В сердцах пробудилось всех русских людей,
И с радостью тайной враги ликовали,
Что звуки замолкли могучих речей...
Любовь в этих звуках к родному дышала,
И речи лилися кипучей волной,
И каждое слово всех нас призывало
Работать для счастья России родной...
Ты умер в тяжелое время смущенья,
В дни смуты и скорби Славянской земли;
Не это ли горе, не эти ль мученья
Тебя так внезапно в могилу свели?..
Ты умер, но дух твой, для родины милой,
По смерти твоей будет долго в ней жить,
И новые люди с могучею силой
Восстанут, чтоб также Отчизне служить.

Одесса, 30-го января 1886 года

Г. Хрущов-Сокольников

Еще блестящая скатилась звезда,
Еще великого не стало Славянина!
Редет с каждым днем писателей среда...
Уже не много их... Последняя дружина —
Когда-то полных сил борцов родных идей
Уже не соберет собратьев под знамена.
Осталось мало их... один на склоне дней,
Другие сгнули на радость для Тевтона

.....
Давно ли, кажется, а были времена,
Из плена вырвавшись, сверкала мысль родная,
Славян рассеянных родные племена
Под мощное крыло России созывая.
Теперь не то совсем. Не слышно голосов,
Когда-то искренно и высоко ценимых!
Зато гремит кругом нескладный хохот сов,
Как приговор судеб неотразимых!
И вот теперь, когда нам дорог каждый луч,
Как память прошлого блестящего рассвета,
Мерцает, гаснет он, и из-за темных туч,
Которыми страна родимая одета,
Осиротелые мне видятся поля,
Чернеются кресты, чернеются могилы,
В немом отчаяньи, над новой сгибшей силой
Рыдает Русская земля!..

Леонид Бутовский

Над могилой Ивана Сергеевича Аксакова
(Милому Ване)

Мы к здешней так привыкли жизни,
Имеем много так забот,
Что мысль о будущей отчизне
На ум не часто к нам идет!

При виде дорогого праха,
Мы проливаем токи слез;
Но есть ли гроб источник страха —
Ужели может быть вопрос?

Не есть ли это «новоселье»
Начало радости скорей...
Непрестающего веселья —
Без вздыханий и скорбей?

Без всяких суетных сомнений
О том, что «недоступно нам»,
Что служит пищей словопрений
Пытливым, выпреним умам?..

Нам надо сбросить это тело,
Чтобы увидеть Божество!..
Смерть — целой нашей жизни дело
И целой жизни — торжество!

Иван Сергеевич, товарищ мой любезный,
От всей души моей приветствую тебя!
Прошел твой славный век, отечеству полезный!
Блистательно твоя закончилась судьба!

А что ты встретил там, Аксаков наш бесценный?..
То, без сомнения, что волновало
Твою всю эту жизнь — в твоей борьбе почтенной:
Там встретил именно ты лишь одну любовь!..

Ведь «Бог и есть любовь»! В сияющей одежде —
Прекрасный труженик, иди, спеши туда,
Где места нет уже ни вере, ни надежде,
Где царствует одна любовь, твоя звезда,

Путеводившая всегда твоей душою —
Во славу родины, на пользу всех Славян;
Снискавшая тебе тернистою стезею
В ближайшем будущем патриархальный сан:

Все подвиги твои история России
По справедливости оценит, милый мой!
С венком товарищей, кладу мои стихи я
На гроб оплаканный, на гроб священный твой!..

*1 февраля 1886 года
Свято-Троицкая Сергиева Лавра, под Москвой*

Ф. Ф. Тютчев

**По прочтении телеграммы
о смерти И. С. Аксакова**

«Аксаков скончался!» Два слова всего,
Но, эти слова повторяя,
Ужель не заплачет отчизна моя
От края до края!

